

Современное общество воспроизводит себя на основе инноваций

В.Г. Федотова, доктор философских наук

Александр Иванович вернул наш интерес к либерализму и провел очень обстоятельное исследование этого вопроса. Но я думаю, что у нас возникло две проблемы.

Первая проблема, которую поставил Д.С. Чернавский: где и когда? И второй вопрос — о первичности индивида или общества. Исторически это можно различить.

Недавно я была в командировке в Китае и потом — в Финляндии. Та схема, которую нарисовал С.С. Сулакшин, годится разве что для финнов, которые за четыре дня общения оставались совершенно отчужденными и независимыми. Позже мне объяснили, что свобода и независимость — для них самое главное.

Откуда взялись такие люди и как они возникли? Мне кажется, мы должны начать со Смита, который здесь толкуется как сторонник свободы частного предпринимательства и собственности, что правда. Но еще за 17 лет до «Богатства народов» он написал книгу «О природе нравственных чувств». В ней он сравнивал двух индивидов — альтруиста и эгоиста, как они существуют в обществе. Они уживаются в обществе не за счет того, что тот и другой — хорошие люди, а за счет того, что эгоист может не вызывать симпатии. Но если пивовар варит хорошее пиво, будучи эгоистом, это не беспокоит общество, — считал А. Смит. Потому что общество создано богом, и потому что бог позволяет установить баланс этих отношений. Но Локк, который уже исходил не от бога, не с индивида начинал — с общества, с гражданского общества,

которое ограничит всевластие государства, гоббсоковского Левиафана, для того чтобы можно было обеспечить свободу индивида. Поэтому, помимо вопроса о месте и времени, я считаю коренным вопросом, заданный В.Л. Римским: как в обществе нечто рождается и принимается индивидуумом или наоборот — как индивид принимает нечто, возникшее в обществе? Во всех теориях либерализма, начиная с Локка, исторически все рождалось из общества в процессе его перехода от традиционного к современному. Тут я должна не согласиться. Современное общество — это не общество рынка и товарно-денежных отношений. Это общество, которое воспроизводит себя не на основе традиций, а на основе инноваций. Традиционное общество ограничивало инновации, воспроизводило себя традиционно. А вот новое общество стало воспроизводить себя на основе инноваций. И по этой причине мы будем говорить о либерализме как способности общества обеспечить эту непрерывную инновацию, а также автономию, ответственность индивида. Как говорил Эрнст Геллнер, произошло превращение индивида в модульного человека, из которого можно построить любые конструкции западного империалистического, впоследствии — демократического общества. Если идти исторически, то либеральным — прежде всего в экономическом смысле — был XIX в. Не надо забывать о Смите.

Китайский опыт, в отличие от финского, свел меня с директором Института мировой политики при Госсовете, который рассказал, что когда он беседовал с Тэтчер, та отметила, что Смит был либералом. На что он ей ответил: и сторонник трудовой теории стоимости. А я еще добавила бы: и сторонник моральной теории и божественного происхождения общества. То есть мы должны исходить из первичности общества, которое создает условия для свободы индивида.

С 1885 г. по 1914 г. произошел английский фриттрейд. Это полная свобода торговли, которая была прервана Первой мировой войной, социалистической революцией и фашизмом.

Такое положение со свободой торговли оставалось вплоть до 1990-х гг. Что же происходило в 90-х гг. с либерализмом? Как теория он продолжал существовать, но как политическая система — отсутствовал. С 1920 г. до конца 1970-х гг. был организованный капитализм, была организованная современность, были социал-демократия, технократия. О либерализме позабыли. Действовали совершенно иные основы организации общества. Мы в 1990-е гг. как бы реанимировали этот либерализм XIX в. Но это была какая-то странная комбинация, связанная с революционным побуждением к такой реанимации. Когда люди говорят, что иного не дано — они не либералы. Они — революционеры. Если в начале происхождения либеральной эпохи, модерна, капитализма сначала создавался экономический либерализм, а потом — политическая система, то тут либералы пришли к власти для того, чтобы устроить свободную торговлю. Это совершенно иная конфигурация.

Я думаю, пункт, который приводит нас к непониманию или к возражению, — это пункт о ресурсном или силовом превосходстве. Сегодня американское разведывательное сообщество открыто публикует в печати доклад, в котором говорится, что до 2025 г. сценарий развития на 15 лет связан с подъемом БРИК, потом случится некий конфликт из-за ресурсов, вследствие чего может произойти распад БРИК. Затем — вообще проблема с Вестфальской системой. Они признают исключительно развитие и подъем Китая. Но Китай никак не пользуется либеральной soft power, чтобы осуществить этот подъем. Может быть, они пойдут по пути Запада. Я называю это третьей современностью и Новым временем для незападных стран. Но, может быть, политический режим, цивилизационная устойчивость этого сценария не создадут.

Сейчас мы находимся в какой-то совершенно запутанной ситуации. Возможно, этот доклад поспособствует тому, что мы сможем дать какие-то нормальные рекомендации. Не может партия, провозглашающая главной идеей модернизацию, называть себя консервативной. Не может «Единая Рос-

сия» называть себя консервативной. Она должна называть себя либерально-консервативной партией, указывая на свой вектор развития, на свой вектор сохранения традиционных ценностей.

Либерализм: философия свободы vs. технология управляемого хаоса

А.Н. Окара, кандидат юридических наук

Думаю, что для продуктивного разговора о либерализме следует разделить три понятия.

Во-первых, либерализм как политическая философия, основанная на ценностях свободы и возникшая в англосаксонском культурно-идеологическо-религиозном контексте (Гоббс, Локк, Смит).

Во-вторых, либерализм как политическая идеология, часто используемая в качестве тарана против традиционных обществ, а также — против тоталитарных политических систем. Так, скажем, идеология либерализма (точнее, либерального тоталитарного фундаментализма) в начале 1990-х гг. стала эффективным инструментом уничтожения не столько Советского Союза, сколько советского модерна и всех его составляющих (промышленности, систем образования и здравоохранения и проч., и проч.). То есть на наших глазах либерализм проявился так же как и технология управляемого социального хаоса.

В-третьих, либеральность как характер политического режима, как наличие гарантированных государством гражданских свобод: многопартийности, свободы слова, состязательного политического процесса, развитых инфраструктур гражданского общества и т. д. В этом смысле «либеральность» можно употреблять почти как синоним «полиархии».